

A.Sh. Gulzira

Material basis of features of modern spoken language

The present city language is a linguistic phenomenon, it influences on person's culture, traditions, social position and it also can be the form of communicative culture which is the main component of human culture that's why it has a great relevance for this topic investigation.

The present city language also can be considered as the written language used in each part of life such as: town streets and corners, lecture halls of higher universities and school classrooms, market and culture, army institutions which show different verbal rules, countless intel inscriptions, bulletin boards, advertisements, booklets and instructions. Such statements bring up people, give information, control each step, show the lifestyle, culture, mentality of citizens, form social-lingual portrait. For this reason the theme of the research is significant.

Key words: *conversional language, urbanization, colloquial language, literal language, influence of factor, linguistic peculiarity, written language.*

Редакцияға 07.03.2014 қабылданды.

УДК 81'37

Н.Ф. АЛЕФИРЕНКО¹, Ш.К. ЖАРКЫНБЕКОВА²*д.ф.н., профессор русского языка и методики преподавания**Белгородского государственного национального исследовательского университета¹**д.ф.н., профессор, ЕНУ имени Л.Н. Гумилева²***ЯЗЫКОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Данная статья рассматривает вопросы языковой стереотипизации этнокультурного пространства. По мнению авторов, идентичность лингвокультуры зависит от специфической системы взаимосвязи предмета и языковых значений, вербальных стереотипов и лингвокогнитивных систем, которые являются основой видения мира и восприятия мира каждого человека. Языковые стереотипы как субъективно обусловленные образы (а) порождают объективное и оценивают характерные свойства названного объекта или явления, которые различаются результатом интерпретации реальности в пространстве этнически релевантных когнитивных моделей, (б) обуславливают характер и содержание коннотативного значения слова, (с) создают специфическую этносемантическую атмосферу языка и этнолингвистического мышления как результат репрезентации стереотипных восприятий мира в языке в соответствии с определяемой ценностью и семантическими качествами той или иной лингвокультуры.

Ключевые слова: *языковой стереотип, этнокультурное сознание, концепт, прототипический признак, знак.*

Вопросом о причинах обусловленности неповторимости, непохожести этнических культур задаются многие исследователи. И возникает он потому, что многие элементы сами по себе не всегда являются уникальными. Они повторяются во множестве культур. С точки зрения философии, уникальность этнокультуры создаётся той системой организации элементов опыта, которая свойственна лишь данной культуре [1]. С точки зрения психологии, уникальность этнокультуры обуславливается тем, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа, его картины мира лежит *своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем*. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видения мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» (выделено нами – Н. А.) [2].

В лингвокультурологии термин *стереотип* относится к содержательной стороне взаимодействия языка и культуры, т.е. понимается как ментальный стереотип, который коррелирует с *наивной картиной мира*. Такое понимание языкового стереотипа доминирует в исследованиях Ежи

Бартминьского [3] и его школы. *Языковая картина мира* и *языковой стереотип* соотносятся у него как часть и целое. При этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определённому объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей. Как и в некоторые других работах, в наших исследованиях к языковым стереотипам относятся не только суждения, но и устойчивые выражения, состоящие из нескольких слов: идиомы, паремии, устойчивые сравнения, клише и т.д. Ср.: *портняжить с дубовой иглой* (жарг., шутил.-ирон. угол.) – то же, что *шить деревянными иглами* – ‘совершать грабежи, налёты’); *Иван, не помнящий родства* – неодобр. ‘бродяга, скиталиц’; *как рыба в воде* – ‘свободно, очень непринуждённо чувствовать себя, вести себя, действовать в каком-либо обществе, в какой-либо среде’. Употребление таких языковых стереотипов не только облегчает и упрощает общение, но и делает его этнокультурно маркированным.

Языковые стереотипы этнокультурного характера – это объективированные в языке профилированные концепты, понятия, признаки окружающей человека действительности, которые составляют лингвокогнитивную конфигурацию языковой картины мира. Поскольку языковые стереотипы порождаются этнически обусловленными представлениями, сформированными фольклорно-мифологическим сознанием и бытующими в системе традиционной лингвокультуры, в основе их содержания лежит не просто оценочные образы, зафиксированные в языке (номинативных моделях, фраземах и паремиях). Когнитивным субстратом каждого языкового стереотипа является один из этнокультурных концептов, фундаментизирующих базовые топики языковой картины мира. Этноязыковые стереотипы, являясь по данным современных исследований особо значимыми для самоосознания и самопознания этноса, играют в языковой картине мира одновременно структурообразующую и этноидентифицирующую роль.

С точки зрения лингвокультурологии, объяснение самобытности этнокультуры следует искать в словах, которыми фиксируются образы познаваемых предметов и явлений. Почему в словах? Потому что такое слово вырастает из действия и несёт в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия). С помощью культурно маркированного слова как раз и задаётся та система координат, в которой человек живёт, в которой формируется образ мира – основополагающий элемент этнокультуры [4, 221]. «Назвать» – значит приписать номинанту определенное значение, а придать определенное значение чему-либо – значит понять его, включить в свое сознание. Поэтому за словом в его звуковой или графической материальности стоит фрагмент живого образа из мира конкретной этнокультуры. Системность же значений есть отражение системности самой лингвокультуры, той структуры образа мира, которая в ней сформирована и отражена в этноязыковом сознании.

1. Лингвокультура и этноязыковое сознание. Формой существования культуры в сознании человека служит так называемое национально-культурное пространство, или общее для всех представителей данного этноязыкового сообщества сознание. Определение, конечно, впечатляет своей философской широтой и афористичностью, однако ещё не раскрывает сущность рассматриваемой категории.

Согласно лингвокультурологическому словарю [5], национальное культурное пространство по своей природе – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство существования и функционирования человека, которое становится осязаемым при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национального лингвокультурного сообщества.

Сложность истолкования этноязыкового сознания объясняется тем, что в лингвокультурологии вообще своеобразно и неоднозначно переплетаются когнитивные и собственно культурологические категории. Кажется, наиболее проблемным среди них является понятие этноязыкового, или этнокультурного, сознания. Если *сознание* в когнитивистике – это высшая, понятийная, форма отражения человеком действительности и его отношения к отражаемому, то этноязыковое сознание является высшей духовной категорией, представляющей собой ассоциативно-смысловую форму стереотипного отражения ценностно-познавательного пространства того или иного этнокультурного

сообщества. В соответствии с таким пониманием структурными компонентами этнокультурного сознания являются, с одной стороны, когнитивные элементы (понятия, представления) и некогнитивные (чувства, эмоции, воля и др.). Другой не менее важный блок компонентов этнокультурного сознания составляют те элементы культуры (ценности, оценки, смысловые интерпретации и т.п.), которые приобрели статус этнокультурного стереотипа.

Вопрос о правомерности выделения этноязыкового сознания в отдельную категорию остается в науке открытым. Считается, что любое сознание непременно объективируется культурно маркированным семиотическим кодом. Однако не лишена смысла и другая точка зрения, согласно которой когнитивные процессы, конечно же, опираются на знаковые опосредователи, но ими могут быть не только знаки языковые, но и другие семиотические средства передачи информации. Как уже отмечалось, любая семиотическая система служит своеобразным «языком» или, точнее, кодом хранения информации в нашей памяти и её декодирования в процессе речевого общения, т. е. передачи информации.

Дальнейшее изучение знакового изоморфизма между системой естественного языка и системой мышления обещает расширить наши знания о закономерностях накопления, хранения и переработки информации, связанных с мышлением. Мышление и язык возникли, по данным современной науки, в результате единого эволюционного процесса. Звуковой язык появился вместе с возникновением человека. Он формировался на основе уже имевшихся голосового и слухового аппаратов, способных соответственно производить и воспринимать акустические сигналы (свойство и животных). В процессе эволюции человека звуковые сигналы превращались в сложнейшую систему символов, знаков, наиболее совершенными из которых являются языковые. Очевидно, изначально эти знаки имели непосредственные (прямые) связи с предметами окружающего мира. Затем произошло замещение и полное вытеснение реальных связей условными, в результате чего знаки стали воспроизводимыми. Это свойство необходимо языку не только для того, чтобы, подобно генетическому коду, хранить и передавать информацию, но и для выполнения общественных, в том числе и стереотипных, функций. Поскольку свойство изоморфизма генетического и языкового кодов обуславливается, надо полагать, единством глобального эволюционного процесса, оно служит глубинным механизмом перекодирования информации из структур когнитивной стереотипизации (фреймов, концептов, гештальтов и др.) в структуры языковых стереотипов – естественной основой синергетики когнитивного и языкового сознания.

Этнокультурное сознание – результат отражения и стереотипного восприятия образа мира, осуществляющихся в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, которая системно организует базовые концепты той или иной национальной культуры. В связи с этим специфику каждой этнокультуры определяет структурированная совокупность вербально закодированных основных духовных ценностей, традиций и обычаев народа. Прежде всего, этнокультурной значимостью отмечены стереотипные языковые единицы: идиомы, паремии, языковые метафоры и устойчивые стилистические фигуры. В своей совокупности эти языковые стереотипы образуют в нашем сознании особый структурный ярус – этноязыковое сознание, элементы которого в яркой образной форме представляют наиболее важные для данной этнокультуры объекты – предметы, события, факты. Стереотипные представления о культурно значимых объектах, зафиксированных в концептах, фреймах, скриптах и сценариях, связаны с прототипическими признаками тех или иных классов познаваемых и вербализуемых предметов.

Прототипический подход к семантике предполагает, что категории выступают в наиболее ярких и презентабельных образцах [6, 387]. *Прототип* – это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и во многих случаях – наиболее высокой степенью регулярности функционирования. Одним из общих свойств инварианта и прототипа является свойство относительности, суть которого состоит в том, что рассматриваемое значение может быть производным от прототипа более высокого уровня и вместе с тем быть прототипом по отношению к тому или иному семантическому варианту, находящемуся на более низкой ступени иерархии.

Соотношение рассматриваемых понятий обуславливает алгоритм инвариантно-прототипического анализа, помогая 1) решить вопрос истолкования данного семантического феномена как категориального значения, представляющего собой инвариант; 2) определить сеть (ряд) вариантных реализаций изучаемого категориального значения (наличие вариантности предполагает использование понятия прототипа как эталонного варианта, наиболее ярко выявляющего специфику данного значения); 3) исследование вариантов начинается с прототипа как эталона, затем рассматриваются отдельные этапы перехода эталонных свойств к свойствам единиц, находящихся в ядерной зоне, затем на ближней и, наконец, на крайней (дальней) периферии (А. В. Бондарко).

Прототипические признаки – это те свойства, которыми характеризуются предметы соответствующего класса. Причем набор таких признаков и их иерархия в каждом национальном языке «свои». Иными словами, одни и те же объекты воспринимаются и кодируются этноязыковым сознанием в соответствии с выработанными в данном этнокультурном сообществе представлениями о данном классе предметов. И это притом, что логически механизмы их концептуализации остаются универсальными. Одинаковые концепты в разных языках могут иметь различные вербальные репрезентации, опирающиеся на разные прототипические признаки. Ср. сходные по смыслу пословицы в разных языках: рус. *за семь вёрст киселя хлебать (есть)*; укр. *за шматок кишки сім верст пішки* – ‘далеко и попусту, без особой надобности идти, ехать, тащиться и т.п.’; словацк. *níz. hovor. iron. trepaťsa (terigať sa) z ďaleka (z veľki dialku)*; чеш. *vážit dalekou cestu pro učiněné nic; jít kraj světa bůhví proč; jít do Tramtárie* – ‘напрасно и неоправданно стремиться куда-л., имея возможность достичь желаемого на месте’.

К номинативным единицам высокой национальной нагруженности, по данным А. Г. Гурочкиной, относятся, прежде всего, обозначения бытовых реалий (одежда, украшения, денежные единицы, музыкальные инструменты и т. д.), антропонимы, топонимы, названия явлений и предметов духовной культуры, ритуалы, традиции [7, 122-123]. Другой номинативной единицей, ядерный компонент лексического значения которой национально обусловлен, является коннотативная лексика.

Специфика наименования, представления того или иного объекта, явления или процесса отдельным этноязыковым коллективом обусловлена его особым (стереотипным) видением мира, определяемым культурной моделью, существующей в национальной традиции, и ее языковой проекцией. Изучение культурно маркированных языковых образований, отражающих представления о мире внутри отдельной национально-культурной традиции, формирующей свой состав словаря и определяющей особенности дискурсивной организации текста, позволит выявить специфику восприятия и познания мира разными народами, и характер её отображения в этнокультурной архитектонике языкового знака. К примеру, в русском языковом сознании *лошадь* ассоциируется с тяжелым трудом в поле и на подворье, перевозкой тяжелого груза. Такие выражения, как ‘*работать как лошадь*’, ‘*пахать как лошадь*’, ‘*ломовая лошадь*’ и другие основаны на бытовых фактах из жизни русского народа – запрягать лошадь или несколько лошадей (ср.: тройка лошадей) в упряжку, перевозить на лошадях людей, груз и др. Образ лошади в русском национальном сознании ассоциируется с трудолюбивым, выносливым, покорно выполняющим тяжелую работу человеком. У казахов лошадь, как правило, считалась предметом достатка и гордости хозяина, поэтому ее берегли, за ней ухаживали, оценивали ее силу, скорость и выносливость, внешний вид. Лошадь являлась участницей национальных скачек - байги, кокпара. (ср.: ‘*Ат өнері білінбес бәйгеге түсіп жарыспай*’ – «Не узнаешь красоту лошади, пока не начнется байга» (скачки)), ‘*Ат құлағында ойнау*’ – «владеть высоким искусством наездника», «лихо джигитовать»).

2. Этнокультурные константы языкового сознания. Как философская категория «константа» – это реальность или идея, которая доминирует над другими на протяжении длительного времени (Э. д’Орс). По сути своей константами культуры выступают концепты-архетипы. Концепты, по Ю.С. Степанову, – это «пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, которые сопровождают слово, <...> – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не «творец духовных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [8, 40]. Таким образом, понятие «константа», выйдя за

рамки точных наук, приобретает все более широкий лингвофилософский смысл, поэтому такие *константные* признаки концепта-архетипа, как *неизменность* и *постоянство*, становятся все более относительными.

Все чаще концептам приписывают способность субъективно отражать мир в наиболее обобщенном виде, в форме размытых, слабо структурированных мыслительных образований. Насколько справедливо такое утверждение? Точнее, все ли в концепте субъективно? Если нет то, в каком соотношении находится в концепте субъективное и объективное? Ответы на эти вопросы важны еще и потому, что ведут к разграничению таких смежных категорий, как *концепт* и *понятие*. Ясно, что демаркационной линией при этом служит наличие или отсутствие в них субъективного элемента.

Исходя из теории Ю.С. Степанова, концепты в отличие от понятий обладают двумя специфическими признаками: 1) определенным уровнем субъективности и 2) многоярусной организацией. Действительно, концепты не только *мыслятся*, но и *переживаются*. Они отражают человеческие *эмоции, симпатии и антипатии*, а иногда и *столкновения* [там же, 41]. Согласно теории многоярусной организации концепта, в нем выделяют три основных слоя: 1) «активный» (актуальный) – своего рода верхушка айсберга – основной, очевидный для всех ныне живущих людей признак концепта, позволяющий апеллировать к нему и оперировать им даже обыденному сознанию; 2) «пассивный» (исторический, фоновый), включающий его дополнительные признаки, – «кристаллизация» его важнейших осмыслений и толкований в различные культурные эпохи [там же, 41]; 3) внутренняя форма или этимологический признак концепта – его смысловое первоначало, запечатленное во внешней словесной форме.

Соположенность и взаимодополняемость этих слоев служат доказательством гармонического сочетания в концепте постоянных и видоизменяющихся компонентов. Стабильность и постоянство обеспечивает концепту его внутренняя форма – первооснова концепта, воплощенная во внешней словесной форме. Речемыслительная мобильность концепта опирается на динамическое соотношение смыслового содержания его первых двух слоев – актуального и исторического. Благодаря этому становится возможной модификация исторического, фонового содержания, актуализация одних и погашение других смыслов. В этом плане концепт остается всегда незавершенным, структурно «открытым».

Понятию же эти свойства не характерны. Определяющими его признаками выступают стабильность, объективность, концентрация наиболее существенных признаков и абстрагирование от всего несущественного, частного и субъективного. Ср.: понятие «спартанец» – житель Спарты и концепт «Спартанец» (о строгих, суровых, неприхотливых людях с сильным характером). Например: *Он сохранил военную выправку, жил спартанцем и монахом* (И.С. Тургенев. *Новь*). Содержание понятия интенционально, содержание концепта импликационально.

Последнее время в лингвокультурологии все чаще (к сожалению, без должного обоснования) используется термин *культурный концепт*. Насколько оправданно его использование наряду с существующим однословным термином *концепт*?

Аргументы ясно, что использование нового термина имеет смысл только в одном случае: если исходить из предположения, что не все концепты культурно маркированы. Такое предположение не беспочвенно. Обратимся к традиционному метаязыку, где концепт – смысловое целостное образование, объективируемое в языке не только словом, системой его ЛСВ или парадигмой словоформ, а некоторой совокупностью слов, такой, как ЛСГ или синонимико-антонимические блоки. Это универсальные знания, имеющие полевую организацию, которые образуют некие понятийные категории и кодируются большинством известных языков. С.Д. Кацнельсон называет их «онтологическими», «внеязыковыми», «когнитивными» или «речемыслительными». В таком же ракурсе истолковывает концепт и Е.С. Кубрякова [9, 122-123], определяющая его как оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*). При таком понимании концепт оказывается родственным по своему содержанию более знакомым категориям – понятиям «информация» и «смысл».

Однако здесь также нет полного понятийного тождества: *информация* в отличие от концепта – это все те данные, которые поступают человеку извне по самым разным каналам – чувственно-

перцептуальным и сенсорно-моторным (Л.Г. Лузина). В традиционном языкознании под информацией понимают любые сведения о фактах, событиях, процессах, содержащиеся в семантике единиц языка и речи. В лексике и фраземике информация отождествляется с лексическим и фразеологическим значениями, в синтаксисе – с пропозициональным содержанием предложения, в тексте – эвристически полученные сведения коммуникативно-прагматического характера. В когнитологии сформировалось понятие концептуальной информации, под которой понимают продукты осмысления всех поступающих по разным каналам сведений, которые в дискурсе представляют говорящим не только собственно *знания*, но и *убеждения, мнения и установки*. *Концепт* же – это не просто информация, это тот формат, который служит своего рода «упаковкой» *осмысленной и структурированной информации*. И в этом плане концепт сближается с категорией смысла.

Некоторые исследователи даже используют термин *концепт* как синоним *смыслу*. Однако не лишено также оснований мнение, согласно которому концепт относится к смыслу как его интерпретатор и как продукт его герменевтической обработки. Такое понимание соотношения концепта и смысла находит поддержку в теории концептуализации и категоризации мира, в процессе которых происходит классификация, подведение под те или иные категории осмысленной информации. Смыслы как минимальные единицы человеческого опыта структурируются в концепты, а те, в свою очередь, на основании имеющихся в их составе общих смыслов объединяются в категории. В рамках кофцепта смыслы постоянно уточняются и модифицируются, приводятся в соответствие с вновь получаемой информацией. Именно поэтому концепты служат оперативными единицами нашего сознания.

В любом случае концепт выступает мыслительным посредником между языком и внеязыковым миром, и в этом своем статусе не обязательно оказывается этнокультурно маркированным образованием.

По наблюдениям С.Г. Воркачёва, разногласия в понимании сущности культурного концепта вызваны главным образом расхождениями в определении количества и характера его смысловых компонентов [10, 80]. Так, Ляпин, например, утверждает, что «дискретная целостность» культурного концепта образуется взаимодействием «понятия», «образа» и «действия» [11, 18]. Ю.С. Степанов выделяет в концепте, кроме понятийной составляющей, и «всё, что делает его фактом культуры» – этимологию, современные ассоциации и оценки [8; 41]. В.И. Карасик считает, что в культурном концепте содержатся «ценностная, образная и понятийная стороны» [12, 129]. По С.Г. Воркачеву, понятийная составляющая отражает признаковую и дефиниционную структуру культурного концепта; образная составляющая фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в актуальной зоне языкового сознания; значимостная составляющая определяется местом, которое занимает имя концепта в языковой системе [10, 80].

Многомерность культурного концепта соотносима с его сложностью, внутренней расчлененностью, что обуславливает получение статуса культурного концепта для семантически неразложимых ментальных образований погружением в культурно-языковую среду: оператор логики оценок «безразлично» в языке с приобретением аксиологических коннотаций и образных ассоциаций становится концептом «равнодушие/апатия».

Без сопоставительного анализа, изучение культурных концептов невозможно, поскольку в противном случае невозможно (а) выявление отличительных черт концепта как единицы лингвокультуры, (б) установление его этнокультурной специфики. В качестве этноспецифичного может приниматься признак, положенный в основу номинации, – внутренняя форма имени. Этноспецифичность может усматриваться в стереотипизации моделей мировосприятия и поведенческих реакций, отраженных в семантике концепта. Этноспецифичность концепта в контексте межъязыкового сопоставления, по мнению С.Г. Воркачева, даёт основания рассматривать его как *единицу национального менталитета*, отличного от ментальности как общей совокупности черт национального характера.

Культурный концепт – многомерная интегрирующая эвристическая категория, в котором выделяются, как можно было увидеть, преимущественно три разнородные составляющие, из которых, однако, по сути, чаще всего лишь одной приписывается определяющее начало.

Конституирующим в семантике концепта может быть понятие, которое может находиться под другими его слоями и поэтому скрыто от поверхностного восприятия. Следовательно, описать

понятийную составляющую концепта с точки зрения классической логики, через перечисление существенных признаков познаваемого объекта оказывается невозможным. В таком случае ее толкуют через отрицание [8, 76; 13, 64]. Считается, что это то в содержании концепта, что не является образным, не связано с местом имени концепта в лексической системе языка и т.п.

Определяющим в смысловом содержании культурного концепта выступает, как правило, ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций.

Включение в состав концепта образной составляющей [14, 54-57] (типového представления, гештальта, прототипа, стереотипа, символа и пр.) – это как раз то, что выгодно отличает его от понятия, лишённого наглядности. Более того, «вещные коннотации», отраженные в несвободной сочетаемости имени концепта, могут как раз раскрывать его этнокультурную специфику (Л.О. Чернейко). В ходе вербализации концепта, образная составляющая в процессе становления концепта может преобразовываться в символ [12; 107].

И, наконец, определяющим в тройке «измерений» концепта может быть номинативное, собственно лингвокультурологическое, связанное с его вербализацией в конкретном естественном языке и ориентированное на имя концепта – слово, его воплощающее.

Формальной характеристикой культурного концепта является множественность одно- или разноуровневых средств его реализации, что напрямую связано с релевантностью, важностью этого концепта для данного лингвокультурного сообщества, аксиологической либо иной ценностью явления, отраженного в его содержании [10; 139]. Другим проявлением релевантности содержания культурного концепта можно считать его «переживаемость» [8; 41]: способность при попадании в фокус сознания интенсифицировать духовную жизнь человека.

В основу типологии культурных концептов может быть положен также уровень абстракции их имен: если имена *естественных реалий* обычно концептами не считаются, то имена *предметных артефактов*, обрастая этнокультурными коннотациями, как правило, становятся репрезентаторами культурного концепта.

И всё же культурные концепты, как и концепты культурно нейтральные, – прежде всего, ментальные сущности, в которых, как бы сказал В. фон Гумбольдт, отражается «дух народа». Всё это и определяет антропоцентричность культурных концептов – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личностность» носителя того или иного этнокультурного сознания.

3. Этнокультурное своеобразие языкового знака. Национальную специфику слова, по мнению Г. Гака, определяют два фактора – объективный и субъективный. Выявляются они путём сопоставления языков. Под *объективным* фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих стереотипы жизненного пространства того или иного народа. *Субъективный* фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальными стереотипами разных этноязыковых сообществ. Иными словами, национальная специфика проявляется различными языковыми репрезентациями одних и тех же объектов реальной или воображаемой действительности. Причем такие различия не всегда культурно маркированы. А часть таких различий и вовсе может быть не обусловлена культурными факторами. Культурная специфика, согласимся с В. Г. Гаком [15, 36], предполагает соответствие слова определенному стереотипу менталитета или какому-либо объекту предметно-культурного пространства народа, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни. Именно в сфере стереотипной ментальности народа и следует искать источники синергетики национального и культурного компонентов в семантической структуре языкового знака.

Итак, лингвокультурологическое исследование языковой стереотипизации этнокультурного пространства предполагает прежде всего анализ национальной специфики языковых знаков, обуславливающейся механизмами генетического и функционального взаимодействия языка и культуры. Это образует этноязыковой вектор лингвокультурологии. Второе направление лингвокультурологии связано с исследованием культурно-семиотической специфики языкового знака. Для этого используются сравнительный и интроспективный методы исследования. Сравнительный подход предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно сравнение способствует выявлению общих и специфических черт языковых репрезентаций

социокультурных стереотипов. Интроспективный анализ предполагает работу с информантами и текстовый анализ с целью выявления национально-культурной стереотипизации языка. Гармоничное сочетание интроспективного и сравнительного методов при изучении национально-культурных стереотипов поможет уйти от полного этноцентризма (Т.Г. Стефаненко), когда культурно-языковым стандартам, выявленным в этнокультурном пространстве одного сообщества, придаётся статус универсалий. С другой стороны, сочетание данных исследовательских эвристик позволит избежать противоположной крайности, состоящей в попытке атомарного (обособленного) описания лингвокультурного содержания слова, что в принципе невозможно без обращения к глубинным (внутренним) взаимосвязям культурно-языковых универсалий и уникалий. Насколько это важно для изучения национально-культурной специфики слова, формирующей языковые стереотипы этнокультурного пространства?

Поскольку под стереотипом понимается субъективно детерминированное представление <...>, в котором находят отражение *объективные и оценочные признаки называемого предмета или явления*, выделенные в результате интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей [16, 180], социокультурные стереотипы обуславливают характер коннотаций языковых значений, создают трудно уловимую этносемантическую ауру языкового знака. Они, несомненно, связаны с внутренней формой слова, с мотивировкой его значения. Однако, несмотря на свою неуловимость, внутренняя форма, как и коннотация, может обыгрываться говорящими в их дискурсивной деятельности и влиять на употребление слова. Внутренняя форма утрачивается, если семантическая связь перестает осознаваться носителями языка. В когнитивно-семиологическом описании социокультурные стереотипы соотносимы с понятием *прототипа*, ставшим для Э. Рош основным в современной когнитивной психологии. Для когнитивно-семиологической парадигмы лингвокультурологии это понятие ценно тем, что помогает осмыслить процессы категоризации, в значительной степени зависящие не только от собственно когнитивных механизмов, но и от того культурно-дискурсивного пространства, в котором находится человек. Опыты Э. Рош показали, что любая категория имеет внутреннюю структуру, состоящую из *центра* (прототипа) и *периферии*.

Так, занимаясь анализом цветовых категорий, Э.Рош связала прототипичные эффекты в первую очередь с перцептивной выделенностью, или особенностями тех вещей, которые наиболее легко распознаются людьми, во-вторых, со способностью к запоминанию, или со свойствами тех вещей, которые легче всего запомнить, и, в-третьих, со стимулом к обобщению, или со способностью переносить характеристики одной вещи на другую, внешне похожую на первую. В ранних работах Э. Рош впервые дается определение фокальных цветов как наиболее значимых и с большей легкостью узнаваемых цветов спектра. Психологически выделенные фокальные цвета служат естественными прототипами при обучении именам цвета, и именно они усваиваются первыми. Количество основных цветов сократилось до 7: белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый. Надо отметить, что ученые, занимающиеся данной проблемой, называют разное количество базисных цветов, но почти все они относят к их числу белый, черный, красный, синий, зеленый, желтый и коричневый. Именно эти цвета воспринимаются зрительной системой, они соответствуют изначально свойственным человеку прототипам, детерминированным скорее биологически, чем социально.

В соответствии с этим можно утверждать, что социокультурным стереотипом является некий эталонный член данной категории, в котором воплощены наиболее характерные ее признаки. Метонимическое мышление позволяет по прототипу опознавать всю категорию в целом, формировать социокультурные стереотипы, образующие в своей совокупности ядро этноязыкового сознания, а значит и менталитета народа. Этноязыковое сознание и менталитет предполагают друг друга по двум направлениям: (а) языковое и концептуальное сознание; (б) языковое и координативное сознание. Концептуальное сознание обеспечивает ориентацию человека в материальном и духовном мире, организует его самопознание. Концептуальное сознание реализуется в процессах мышления, в результате которого действительность соотносится с концептуальным образом мира, сформировавшимся в языковом сознании человека и составляющим основу его ментальности.

Этноязыковое сознание как бы интегрирует два типа сознаний – концептуальное и языковое. В процессе речевого мышления обеспечивается непосредственная стереотипная и нестереотипная

связь языковых значений и категорий с актуальными смыслами ментальности человека. Координация языковых и когнитивных структур служит одновременно фильтром и регламентатором нашего сознания, следящим за соблюдением симметричного соотношения мыслительного и языкового содержания, или наоборот, предполагающим субъективно и прагматически обусловленное нарушение данной симметрии. Этноязыковое сознание обеспечивает переход концептуального сознания в языковое сознание, которое, выполняя две различные функции – (а) лингвокреативную и (б) коммуникативно-репрезентативную – служит реальным основанием ментальности того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Polok K. O czym zapomniat Noam Chomsky, albo o miejscu kultury w języku, „Język poza granicami języka: Teorija i metodologia współczesnych nauk o języku». Pod red. A. Kiklewicza i J. Dębowskiego. – Olsztyn 2008.
- 2 Леонтьев А. А. Деятельный ум. – Москва, 2001.
- 3 Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. Перевод с польского. Сост. и отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик. 2005.
- 4 Лурье С.В. Историческая этнология. – Москва, 1997.
- 5 Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. / И.С. Брилёва, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – Вып. 1. – Москва, 2004.
- 6 Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. «Теория метафоры». – Москва 1990.
- 7 Гурочкина А.Г. Этнокультура и языковое сознание. // Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф. – Ч. 3. – Тамбов, 2001. – С. 122-123.
- 8 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – Москва, 1997.
- 9 Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. –М., 1996.
- 10 Воркачев С.Г. Концепт «счастье» в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002.
- 11 Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты: Научные труды Центроконцепта. – Вып. 1. – Архангельск, 1977.
- 12 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
- 13 Колесов В.В. Философия русского слова. – Санкт-Петербург, 2002.
- 14 Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия Российской Академии наук. – Серия лит. и яз. – 2001.– С. 54-57.
- 15 Гак В.Г. Русская динамическая картина мира. // Русский язык сегодня. –Вып. 1: Сборник статей. – Москва, 2000.– С. 36-44.
- 16 Киклевич А. Притяжение языка. Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – Olsztyn, 2007.

REFERENCES

- 1 Polok K. O czym zapomniat Noam Chomsky, albo o miejscu kultury w jazyku // Jazyk poza granicami jazyka: Teorija i metodologia wspaczesnych nauk o jazyku / Pod red. A. Kiklewicza i J. Dabowskiego/. - Olsztyn 2008.
- 2 Leont'ev A. A. Dejatel'nyj um. - Moskva, 2001.
- 3 Bartmin'skij E. Jazykovej obraz mira: ocherki po etnolingvistike. Perevod s pol'skogo. Sost. i otv. red. S.M. Tolstaja. - M.: Indrik. 2005.
- 4 Lur'e S.V. Istoricheskaja etnologija. - Moskva, 1997.
- 5 Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskij slovar'. / I.S. Briljova, N.P. Vol'skaja, D.B. Gudkov, I.V. Zaharenko, V.V. Krasnyh. - Vyp. 1. - Moskva, 2004.
- 6 Lakoff Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem. «Teorija metafory». - Moskva 1990.
- 7 Gurochkina A.G. Etnokul'tura i jazykovoje soznanie // Filologija i kul'tura: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. - Ch. 3. - Tambov, 2001. - S. 122-123.
- 8 Stepanov Ju.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. - Moskva, 1997.
- 9 Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Pod red. E. S. Kubrjakovoj. -M., 1996.
- 10 Vorkachev S.G. Koncept "schast'e" v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza. - Krasnodar, 2002.

- 11 Ljapin S.H. Konzeptologija: k stanovleniju podhoda // *Koncepty: Nauchnye trudy Centrokoncepta*. - Vyp. 1. - Arhangel'sk, 1977.
- 12 Karasik V.I. Jazykovoј krug: lichnost', koncepty, diskurs. - Volgograd, 2002.
- 13 Kolesov V.V. Filosofija ruskogo slova. - Sankt-Peterburg, 2002.
- 14 Vorkachev S.G. Koncept schast'ja: ponjatijnyj i obraznyj komponenty // *Izvestija Rossijskoј Akademii nauk*. - Serija lit. i jaz. - 2001.- S. 54-57.
- 15 Gak V.G. Russkaja dinamicheskaja kartina mira. // *Ruskij jazyk segodnja*. -Vyp. 1: Sbornik statej. - Moskva, 2000.- S. 36-44.
- 16 Kiklevich A. Pritjazhenie jazyka. T. 1. Semantika. Lingvistika teksta. Kommunikativnaja lingvistika. - Olsztyn, 2007.

Н.Ф. Алефиренко, Ш.К. Жарқынбекова

Этномәдениет кеңістігіндегі тілдік стереотиптер

Бұл мақалада этномәдениет кеңістігіндегі тілдік стереотиптену мәселесі қарастырылады. Авторлардың пікірінше, лингвомәдениеттің ұқсастығы әрбір адамның әлемді тануы мен қабылдауына негіз болатын заттар мен тілдік мағынаның өзгеше жүйелі байланысына, вербалды стереотиптер мен лингвокогнитивтік жүйеге қатысты анықталады. Тілдік стереотиптер субъективтік бейнелер (а) ретінде объективті нәрселерді тұдырады және аталған нысан мен құбылыстарға тән қасиеттерді бағалайды. Олар бір-бірінен этникалық релевантты когнитивтік үлгілер (b) кеңістігінде шындық болмысты түсіну нәтижесі арқылы өзгешеленеді, сөздің коннотативті мағынасының мазмұны мен сипатын қамтамасыз етеді, тілдің өзгеден дараланатын этносемантикалық аумағын (c) және қандай да болмасын лингвомәдениеттің семантикалық сапалары мен құндылықтарына сәйкес жүзеге асатын тілдегі әлемді қабылдаудың стереотиптік репрезентациясының нәтижесі ретінде этнолингвистикалық ойлауды тұдырады.

Түйін сөздер: тілдік стереотип, этномәдени сана, концепт, прототиптік белгі, таңба.

N.F. Alefirenko, Sh.K. Zharkynbekova

Linguistic stereotypes of ethnocultural space

The article deals with problems of linguistic stereo typification of ethno cultural space. In author's opinion identity of lingvo culture is depended on the specific system of interconnections of subject and linguistic meanings, verbal stereotypes and lingvo cognitive systems which is the base of world vision and world perception of each people. The linguistic stereotypes as subjective determine representations (a) reproduce objective and estimative attributes of named object or phenomenon, which is distinguished by the result of interpretation of reality in the space ethno relevant cognitive models, (b) stipulate the character and the content of connotative meanings of word, (c) create the peculiar ethno semantic aura of language and ethno linguistic mind as the result of representation the stereotypical perception of the world in the language in correspondence with defined value and semantic coordinates of one or another lingvo culture.

Key words: linguistic stereotype, ethno cultural mind, concept, prototypical attribute, sign.

Поступила в редакцию 11.03.2014.